

ВСЕ БОЛЕЕ ТЯЖЕЛАЯ БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ ПРИНУЖДАЕТ ЧАСТО ЖЕНЩИН И МУЖЧИН К ПОСТУПКАМ, ОТ КОТОРЫХ ОНИ ПРИ ДРУГИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ С УЖАСОМ ОТВЕРНУЛИСЬ БЫ.

А. Бебель

Как это было прекрасно и как тревожно! Мама целыми днями паковала чемоданы и ящики, а я почти все время проводила во дворе. Я кормила кур и уток и вместе со всеми ворошила сено. Или играла с котятками. Это было замечательное лето — первое лето в моей жизни, которое и по-настоящему запомнилась.

Я знала, что уже скоро мы уедем в большой город под названием Западный Берлин. Родители рассказывали мне, что у нас там будет огромная квартира в шесть комнат. И еще, что там они будут зарабатывать очень много денег. Мама говорила, что у нас с младшей сестренкой будет совершенно отдельная комната, где будем жить только мы вдвоем. Она хотела купить настоящую кра-

РАССКАЗ КРИСТИНЫ Ф.

сивную мебель и описывала нам до мельчайших деталей, как будет выглядеть наша квартира.

Как на самом деле выглядела квартира, в которую мы переселились, я тоже никогда в жизни не забуду. Может быть, потому, что я испытывала в ней необъяснимый ужас. Она была такой огромной и пустой, что я на самом деле боялась в ней потеряться. Только в трех комнатах была мебель, да и то очень мало. В детской было две кроватки и старый кухонный шкаф с нашими игрушками. В другой комнате стояла только кровать моих родителей, и в третьей, самой большой, — обшарпанная софа и несколько стульев. Три комнаты, которые пустовали, были оставлены для бюро. Мои родители мечтали открыть собственную контору, но письменные столы и кресла, о которых они постоянно говорили, так и не появились, а кухонный шкаф так и остался в нашей детской.

Но вот однажды софу, кровати и кухонный шкаф погрузили на маши-

Рассказ Кристины Ф. записан западногерманскими журналистами Кием Германном и Хорстом Рикком.

ну и перевезли в дом-башню в Гропиусштадте. Там мы поселились в двух маленьких комнатках на одиннадцатом этаже. Гропиусштадт — это новый жилой район из огромных одинаковых домов, разделенных газонами и магазинами. Издали он кажется совсем новеньким, но, когда оказываешься там, видишь, какая кругом грязь.

На улице в Гропиусштадте я была «дурочкой из деревни». У меня не было таких игрушек, как у других детей. Я была одета не так, как они. Я говорила по-другому. Я не знала тех игр, в которые они играли. Да и игры эти мне не нравились. У нас в деревне не было главней, мы все были на равных, и каждый мог предлагать свою игру. В Гропиусштадте самый сильный парень в нашем доме считался гланарем. У него был самый лучший водяной пистолет, и мы играли в «разбойников». Игра заключалась в том, чтобы исполнять его приказания. Мы скорее играли друг против друга, чем друг с другом. Короче, надо было задавить других и самому стать главным. Захватить власть и эту власть использовать.

Потом я пошла в школу. Как я радовалась! Родители всегда говорили мне, что в школе я должна вести себя хорошо и всегда слушаться учителей. Думаю, я больше всего радовалась тому, что учителю не только я должна подчиняться, но и все остальные дети. Но все оказалось совсем по-другому. Учительница была совершенно беспомощна и не могла справиться с нами. Она только и знала, что кричать, но от ее крика было мало толку.

Единственное, что меня спасало, — это мои звери. У нас в семье все очень любили животных. И поэтому я гордилась нашей семьей. У меня было три мыши, две кошки, два кролика, морская свинка и Аякс — коричневый дог.

Я была бы совершенно счастлива со своим зверьем, если бы не отец. Он становился все хуже и хуже. Пока мама работала, он сидел дома. Идея открыть свою контору так и заглохла. Теперь он ждал, пока ему подвернется какая-нибудь работа. Он сидел на обшарпанной софе и ждал. И все чаще срывал на нас зло.

Вечером после работы мама помо-

гала мне делать уроки. Помню, я долго путала буквы К и П. Мама мне объясняла разницу снова и снова. А я заметила злобные взгляды отца и уже не могла сосредоточиться. Я знала, что без скандала не обойдется. Я знала, что произойдет. Так и вышло: отец бросился на кухню, схватил швабру и обрушился на меня с ударами.

Вот так он со мной и обращался. Он очень хотел, чтобы я была прилежной и училась лучше. Кажется, его дед был очень богатым. Их семье раньше принадлежала целая типография и газета. После войны все пропало. Вот теперь мой отец и взрывался каждый раз, когда ему казалось, что я недостаточно хорошо учусь — ведь я происхожу из такой прекрасной семьи!

И все же, несмотря ни на что, я любила и уважала отца. Но все же главным моим чувством по отношению к нему был страх. Тем не менее я находила вполне нормальным, что он меня бил. В семьях других детей у нас в Гропиусштадте дело обстояло не лучше. Да и их матерям тоже нередко доставалось.

Тогда я, конечно, представления

не имела, что происходит с моим отцом. Только потом я поняла, когда стала постарше. Он был неудачником. Он каждый раз строил грандиозные планы, и каждый раз все проваливалось к черту. Его отец, в свою очередь, постоянно упрекал его в этом. Дед считал, что семья должна была прощевать так же, как раньше, до того, как все состояние уплыло.

Дедушка говорил, что, если бы отец не встретил мою мать, у него была бы своя ферма по разведению догов или, по крайней мере, он смог бы стать агентом по продаже товаров. В какой-то момент и отец стал утешать себя мыслью, что моя мама и я — главные виновники его бед.

УТЕ Ф., МАТЬ КРИСТИНЫ. Брак мой был полным фиаско. Еще когда я была беременна, я уже не могла рассчитывать на мужа. Все было не по нему. А злобу и неудовольственность он вымещал на мне и детей. Деньги для семьи зарабатывала я одна на всяких вспомогательных работах. Я все время думала о разводе, только у меня смелости на это не хватало...

К восьмью годам я уже твердо усвоила законы, которым научила меня жизнь. Мой отец, в сущности, учил меня тому же, чему и школа, и улица: или бью я, или бьют

меня. Мать, которая повидала на своем веку много наказаний, тоже постоянно говорила мне: «Первая никогда не задираться, но, если кто нападет, тут же давай сдачи. Как можно сильнее и крепче». Сама она была уже не в силах давать сдачи.

Я долго училась этой игре: или я захватываю власть, или меня угнетают другие. Вскоре я начала играть в эту игру и в школе с самыми слабыми учителями. Только тогда я впервые почувствовала, что остальные ученики стали меня уважать.

Как я уже говорила, у меня было много зверей. Часто, выходя на улицу, я брала с собой своих мышей, чтобы с ними поиграть. Вот однажды одна мышка убежала на газон, на котором стоял огромный щит, гласивший, что ступать на траву запрещено. У нас вообще кругом стояли щиты, запрещавшие нам делать буквально все. Мне так и не удалось найти эту мышь. И вот вечером мой отец подошел к клетке с мышами, посчитал их и обнаружил, что одной не хватает: «Почему здесь только две? А где же третья?» Почему-то мне показался его вопрос очень горько. К тому же мне всегда хотелось избавить Кристину от всего того, что я пережила сама. Мне хотелось, чтобы у нее была возможность самой выбирать себе дорогу, без всякого давления со стороны окружающих. В общем, по всем правилам современного воспитания.

Однажды раздался звонок в дверь, и когда я открыла, то на пороге стоял приятель отца. Этот приятель был гораздо моложе отца, наверное, лет так двадцать с небольшим. И вдруг этот самый Клаус пригласил маму пойти с ним пообедать, и она сразу же согласилась. Она переоделась и ушла с ним, оставив нас одних. Видно было, что она очень довольна.

Клаус стал приходить все чаще, и мама опять начала смеяться. Мама опять стала говорить о комнате, которая будет у нас с сестрой, когда мы вместе с Клаусом переедем в новую квартиру. Там будут удобные кровати и мягкие кресла, и так далее. Мы переехали к дяде Клаусу, но там все было тоже не так уж идеально. Он был с нами мил, но всегда стоял между матерью и нами. Внутренне я его не смогла принять. У нас постоянно возникали ссоры по пустякам, и мама обычно принимала мою сторону. Это тоже получалось глупо, потому что в конце концов эти мелкие ссоры вырастали в принципиальный спор между Клаусом и мамой, и я чувствовала себя виноватой в этом.

Но хуже всего было не тогда, когда мы ругались, а когда в доме было тихо. Когда мы все сидели в комнате и Клаус смотрел телевизор. Мы молчали. Иногда мама пыталась завязать какой-то разговор, но никто не отвечал, и становилось жутко неуютно. Мы с сестрой чувствовали, что мы здесь лишние, и старались быть на улице как можно больше.

Однажды раздался звонок в дверь, и когда я открыла, то на пороге стоял приятель отца. Этот приятель был гораздо моложе отца, наверное, лет так двадцать с небольшим. И вдруг этот самый Клаус пригласил маму пойти с ним пообедать, и она сразу же согласилась. Она переоделась и ушла с ним, оставив нас одних. Видно было, что она очень довольна.

Клаус стал приходить все чаще, и мама опять начала смеяться. Мама опять стала говорить о комнате, которая будет у нас с сестрой, когда мы вместе с Клаусом переедем в новую квартиру. Там будут удобные кровати и мягкие кресла, и так далее. Мы переехали к дяде Клаусу, но там все было тоже не так уж идеально. Он был с нами мил, но всегда стоял между матерью и нами. Внутренне я его не смогла принять. У нас постоянно возникали ссоры по пустякам, и мама обычно принимала мою сторону. Это тоже получалось глупо, потому что в конце концов эти мелкие ссоры вырастали в принципиальный спор между Клаусом и мамой, и я чувствовала себя виноватой в этом.

Но хуже всего было не тогда, когда мы ругались, а когда в доме было тихо. Когда мы все сидели в комнате и Клаус смотрел телевизор. Мы молчали. Иногда мама пыталась завязать какой-то разговор, но никто не отвечал, и становилось жутко неуютно. Мы с сестрой чувствовали, что мы здесь лишние, и старались быть на улице как можно больше.

Однажды раздался звонок в дверь, и когда я открыла, то на пороге стоял приятель отца. Этот приятель был гораздо моложе отца, наверное, лет так двадцать с небольшим. И вдруг этот самый Клаус пригласил маму пойти с ним пообедать, и она сразу же согласилась. Она переоделась и ушла с ним, оставив нас одних. Видно было, что она очень довольна.

живица начала лезть на стены от всего нашего семейства. Тогда мама снова собрала вещи, и мы отправились обратно. Отец вел себя так, как будто нас вообще не существует. Он смотрел сквозь нас. И то, что он не замечал нас, было просто ужасно. Гораздо хуже, чем побой, хотя у меня все еще болели кости после того раза.

Потом случилось еще одно горе. Аякс, мой дог, заболел и умер, и мне стало совсем одиноко. Маму я очень любила, но она была погружена в свои беды и занята только разводом. Она постоянно плакала, а смеяться вообще перестала.

УТЕ Ф. После развода мне надо было подумать о квартире для нас, потому что муж отказывался оставить нам эту. Я нашла одну в новом доме по соседству, но она стоила 600 марок в месяц, для меня это было слишком дорого. Но я хотела наконец покончить с этим браком. Я мечтала любой ценой начать все сначала вместе с детьми. Хотела взять дополнительную работу, чтобы можно было позволить детям хоть какое-то удовольствие. Между тем девочкам исполнилось одной — одиннадцать, другой — тринадцать лет, и они видели мало радости в своем детстве. У нас никогда не было денег, и мы ничего не могли себе позволить, да и дом у нас всегда был неуютный. Мне это было очень горько. К тому же мне всегда хотелось избавить Кристину от всего того, что я пережила сама. Мне хотелось, чтобы у нее была возможность самой выбирать себе дорогу, без всякого давления со стороны окружающих. В общем, по всем правилам современного воспитания.

Однажды раздался звонок в дверь, и когда я открыла, то на пороге стоял приятель отца. Этот приятель был гораздо моложе отца, наверное, лет так двадцать с небольшим. И вдруг этот самый Клаус пригласил маму пойти с ним пообедать, и она сразу же согласилась. Она переоделась и ушла с ним, оставив нас одних. Видно было, что она очень довольна.

Клаус стал приходить все чаще, и мама опять начала смеяться. Мама опять стала говорить о комнате, которая будет у нас с сестрой, когда мы вместе с Клаусом переедем в новую квартиру. Там будут удобные кровати и мягкие кресла, и так далее. Мы переехали к дяде Клаусу, но там все было тоже не так уж идеально. Он был с нами мил, но всегда стоял между матерью и нами. Внутренне я его не смогла принять. У нас постоянно возникали ссоры по пустякам, и мама обычно принимала мою сторону. Это тоже получалось глупо, потому что в конце концов эти мелкие ссоры вырастали в принципиальный спор между Клаусом и мамой, и я чувствовала себя виноватой в этом.

Но хуже всего было не тогда, когда мы ругались, а когда в доме было тихо. Когда мы все сидели в комнате и Клаус смотрел телевизор. Мы молчали. Иногда мама пыталась завязать какой-то разговор, но никто не отвечал, и становилось жутко неуютно. Мы с сестрой чувствовали, что мы здесь лишние, и старались быть на улице как можно больше.

Однажды раздался звонок в дверь, и когда я открыла, то на пороге стоял приятель отца. Этот приятель был гораздо моложе отца, наверное, лет так двадцать с небольшим. И вдруг этот самый Клаус пригласил маму пойти с ним пообедать, и она сразу же согласилась. Она переоделась и ушла с ним, оставив нас одних. Видно было, что она очень довольна.

Клаус стал приходить все чаще, и мама опять начала смеяться. Мама опять стала говорить о комнате, которая будет у нас с сестрой, когда мы вместе с Клаусом переедем в новую квартиру. Там будут удобные кровати и мягкие кресла, и так далее. Мы переехали к дяде Клаусу, но там все было тоже не так уж идеально. Он был с нами мил, но всегда стоял между матерью и нами. Внутренне я его не смогла принять. У нас постоянно возникали ссоры по пустякам, и мама обычно принимала мою сторону. Это тоже получалось глупо, потому что в конце концов эти мелкие ссоры вырастали в принципиальный спор между Клаусом и мамой, и я чувствовала себя виноватой в этом.

Но хуже всего было не тогда, когда мы ругались, а когда в доме было тихо. Когда мы все сидели в комнате и Клаус смотрел телевизор. Мы молчали. Иногда мама пыталась завязать какой-то разговор, но никто не отвечал, и становилось жутко неуютно. Мы с сестрой чувствовали, что мы здесь лишние, и старались быть на улице как можно больше.

Когда мы проснулись погулять, никто никогда не возражал. Наверное, Клаус не понимал, как много мы и мама значим друг для друга. Он ревновал ее к нам, мы — к нему. Мама же хотела угодить и нам и ему.

УТЕ Ф. Мне хотелось наконец создать настоящий дом, где бы девочки чувствовали себя хорошо и свободно. Это была моя самая большая мечта. Ради этого я так работала. Еще для того, чтобы можно было доставлять детям маленькие радости, покупать им красивые одежды — они все-таки девочки! Вместе с ними ездить за город по выходным. Это мило, но все-таки! Я преследовала эту цель с упорством маньяка. Я купила для их комнаты кое-какую обстановку и ковер, который они сами выбрали. В 1975 году я даже смогла купить Кристине хороший стерео-проигрыватель. Такие вещи делали меня счастливой. Я была так рада, что наконец-то могу себе позволить сделать что-то приятное для детей. А когда я возвращалась с работы уже поздним вечером, я приносила им что-нибудь в подарок: конфеты или цветные карандаши, или еще какую-нибудь мелочь. Теперь я часто думаю, что это была ошибка: так покупать их любовь и признательность, но у меня было всегда для них так мало времени...

Я реагировала на эту ситуацию буйно и агрессивно, сестренка становилась все тише и грустнее. Она часто говорила о том, что хочет вернуться к отцу. После всего, что было, мне это казалось безумием. Однажды отец пригласил нас к себе. С тех пор, как он расстался с нами, его будто подменили. Он обходился с нами удивительно мило, и сестра переехала к нему жить, а я осталась совершенно одна.

Вот тогда я и сблизилась с так называемой «шайкой». Нас было пятеро. Кроме меня и моей подруги Кесси, которая училась со мной в одном классе, все остальные уже работали. Жизнь у всех нас была совершенно одинаковая. Каждому осточертел дом и работа. Мы собирались вместе каждый вечер, слушали музыку, болтали и курили — курили наркотики. Мы никогда не говорили друг с другом о горестях нашей жизни, и по вечерам нам удавалось забывать обо всем, хотя бы на время. Правда, мне было сначала трудно там освоиться, наверное, потому, что я была самая младшая, но зато все остальные были для меня примером. Я мечтала стать такой же, как они. Я хотела научиться у них отключаться от всего, хотела научиться быть безразличной ко всей дряни, которая окружала меня и в семье и в школе. Для меня «шайка» была теперь и родителями, и учителями, всем тем важным, что вообще было в моей жизни, пожалуй, за исключением моих зверей.

УТЕ Ф. Я совершенно ни о чем не подумывала. Кесси, ее подруга, казалась мне очень разумной девочкой. Они как раз были в том возрасте — 13—15 лет, — когда пробуждается любопытство и дети все хотят испробовать сами. Я и не считала нужным возражать, когда они иногда по вечерам ходили в этот евангелистский молодежный клуб. Разве я знала, что там творится! Поскольку этот клуб находился под покровительством церкви, я была уверена, что дети в надежных руках. Мне

и во сне не снилось, что они все там гашиш курят. Меня радовало то, что Кристина прератилась в жизнерадостного подростка и больше не грустила о сестренке. Она опять стала много смеяться. Я понятия не имела, что это нездоровое возбуждение у нее от гашиша.

Можно сказать, что в ту самую злощастную субботу, когда я отначала Кристину после обморока, она мне представила счет за все издержки своего воспитания. Когда она призналась мне со слезами, что колет себе героин, я подумала, что мне надо покончить с собой, нет мне больше места на этом свете. Я думаю, лучше всего мне было умереть в ту же минуту. Я была в таком состоянии, что не могла здраво ни о чем думать. Когда в немомо пришла в себя, я попыталась трезво оценить, что же происходило в последние годы. В чем были мои ошибки? Как получилось, что я так долго ни о чем не подозревала? Может быть, потому, что я и не хотела ничего знать?

Самое страшное, что Клаус, этот дружок моей матери, ненавидел животных. Он постоянно брюзжал, что нельзя держать столько животных в такой маленькой квартире. Потом он запретил моему новому догу находиться в комнате. Тут я взбунтовалась: у нас дома с собаками всегда обращались как с полноправными членами семьи. А теперь появился этот тип и устанавливает свои правила! Конечно, я взбунтовалась. Тогда Клаус открыл свой козырь. Он объяснил, что вообще не намерен больше терпеть животных в своем доме. Мать его поддержала, потому что считала, что я уже не забочусь о них, как раньше.

Мне не помогли ни слезы, ни мольбы, ни угрозы. Собаку отдали. С тех пор мне просто нечего было делать в доме. Я каждый день с нетерпением ожидала пяти часов, когда открывался клуб, где собиралась наша «шайка». Другого места, где я бы чувствовала себя хорошо, на земле не было.

УТЕ Ф. У меня всегда было чувство вины перед Кристиной. Мне всегда хотелось сделать для нее что-то особенное, уделить ей больше внимания. Но тогда, конечно, я не могла видеть со всей ясностью, насколько это необходимо. Иногда мне становилось как-то беспокойно, когда она проводила время со своими приятелями. Однажды я ее спросила: «Зачем ты вообще общаешься с этими людьми?» И она ответила: «Ах, мамочка, мне их так жалко! С ними ведь никто не хочет общаться, а им очень нужно, чтобы с ними хоть кто-то поговорил по-человечески. Им же нужно помочь!» Кристина всегда была готова помочь другим, поэтому ее ответ меня не удивил. Только теперь-то я знаю, что говорила она о себе самой.

Это лишь начало рассказа, записанного со слов Кристины Ф. корреспондентами западногерманского журнала «Штерн». Трагическое продолжение не заставило себя ждать. Впервые попробовав «слабые» наркотики в 13 лет, в пятнадцать Кристина уже перешла на героин. Чтобы добыть денег, стала заниматься воровством. Возврата назад уже не было.

Перевела с немецкого И. ПОРУДОМИНСКАЯ